

Мария Вершинина

Петр 2

*Последствия для
России*

Мария Вершинина

Петр 2. Последствия для России

«Издательские решения»

Вершинина М.

Петр 2. Последствия для России / М. Вершинина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-671418-2

Короткая жизнь юного царя, и последствия его жизни для России. Война, страсть, борьба юности и фетешизма, с совестью и честью правителя.

ISBN 978-5-00-671418-2

© Вершинина М.
© Издательские решения

Содержание

Глава III. ТЕНИ ПРЕСТОЛА	6
Глава II	9
## Глава II	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Петр 2 Последствия для России

Мария Вершинина

© Мария Вершинина, 2025

ISBN 978-5-0067-1418-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава III. ТЕНИ ПРЕСТОЛА

Москва, январь 1728 года

Морозный ветер гулял по заснеженным улицам Первопрестольной, цепляясь за золоченые купола Кремля и скрипучие телеги с сеном. В Лефортовском дворце, где резные ставни стучали от порывов вьюги, юный государь Петр Алексеевич сидел у камина, обложенный подушками в кресле из красного дерева. На столе, покрытом фламандским кружевом, дымился самовар, а рядом лежала нераспечатанная депеша от шведского посла – с позолотой и черной сургучной печатью.

– Ваше величество, князь Иван Алексеевич Долгоруков просит аудиенции, – доложил камердинер, склонив голову.

– Пусть войдет, – махнул рукой Петр, поправляя камзол, от которого пахло порохом и конюшной. Он только что вернулся с медвежьей травли в Сокольниках.

Князь вошел, как вихрь, в собольей шубе, с лицом румяным от холода.

– Царь-батюшка! – начал он, целуя край одежды. – Австрийский посол опять толкует о союзе против турок. Да и шведы, псы, грозят войной, коли не вернем Выборг...

– Брось, Ваня, – перебил Петр, играя серебряным ножом для разрезания бумаг. – Ты лучше скажи, когда новые гончие придут из Тулы? Нынешние – одни кости да шерсть.

За окном, в парке, засыпанном снегом, виднелись обледеневшие статуи Аполлона и Дианы – наследие петровских времен. На стене висел портрет деда, Петра Великого, смотрящий строго, будто упрекая внука за заброшенный флот.

«*Петербургу пусто быти!*» – вспомнились Петру слова бабушки, царицы-инокини Евдокии, чьи письма он хранил в лакированном ларце. Вчерашнее послание было особенно горьким: «*Свет очей моих! Не уподобляйся Ироду, что пиры правит, когда Иерусалим в огне...*»

– Государь! – вбежал паж, запыхавшись. – Из Преображенского приказа весть: в Твери мужики с вилами поднялись – хлеба требуют!

– Пусть губернатор разберется, – зевнул Петр, разглядывая карту Лифляндии, где когда-то дрались «потешные» полки.

Вечером, когда в зале с парчовыми обоями зажгли сотни свечей, начался бал. Дворянки в фижмах, похожие на расписные чашки, кружились под менуэт. Князь Алексей Долгоруков, отец фаворита, шептал что-то на ухо французскому резиденту, жестикулируя перстнем с гербом.

– *Monsieur*, – обратился посол к Петру, кланяясь с изяществом парижского щеголя, – король Людовик XV восхищен вашим решением вернуть столицу в Москву. Но позвольте спросить: правда ли, что вы распустили инженерную школу?

– Правда, – ответил Петр, откусывая леденец в форме медведя. – У меня и так голова болит от ваших чертежей.

В углу зала, у печи, облицованной изразцами с павлинами, стоял худощавый мужчина в скромном кафтане – Андрей Остерман, канцлер. Его глаза, холодные как балтийский лед, следили за Долгоруковыми.

– Они погубят Россию, – прошептал он себе под нос, сжимая пергамент с докладом о пустых арсеналах.

На рассвете, когда гости разъехались, Петр взял перо и начал письмо бабушке:

«*Дражайшая бабушка! Вчера убил медведя в семь пудов весом. Прикажете прислать ваши молитвы – боюсь, как бы зверь не оказался оборотнем...*»

За окном, в предраассветной синеве, Москва спала. Где-то у Яузы скрипели колеса обозов с хлебом для голодающих провинций. А в покоях царицы Евдокии горела лампада перед

образом Спаса Нерукотворного – того самого, что когда-то благословил Петра на строительство флота

...Петр откинул перо, когда в дверь постучали троекратно – условный знак Долгоруковых. Иван ввалился с бутылью венгерского, за ним – цыганка Маруся с гусями, чьи серьги звенели, как колокольчики на тройке.

– Брось ты эти каракули, Петруша! – засмеялся князь, швырнув на стол медвежью шкуру. – В «Золотом якоре» купцы устроили попойку. Там и медведей травят, и девки из Немецкой слободы...

В трактире, где стены пропахли дегтем и брагой, Петр сидел на дубовой лавке, обнимая за талию рыжеволосую фрейлину. На столе дымились щи в горшках, а купцы в парчовых кафтанах поднимали кубки с двуглавыми орлами:

– Здравья вашему величеству! Даешь войну шведам – мы казну пополним!

– Война? – перебил Иван, обливая вином рукав. – Мы лучше в Англию махнем! Там, слышь, королева – краля хоть куда...

Из угла, где монах в потертой рясе читал псалтырь, донесся хриплый голос:

– Блудодействуете, аки Содом! – Старец встал, крестясь. – Кровь народная вопиет, чадо!

– Вон его! – рявкнул Долгоруков, но Петр вдруг вскинул руку.

– Стой. Как звать-то тебя, дед?

– Серафимом... Из Соловков. – Монах вынул иконку. – Возьми, государь. Серафим Саровский – заступник заблудших.

На другой день, когда солнце золотило купола Новодевичьего, Петр ехал в санях мимо нищих у Рождественского монастыря. Вдруг из толпы вырвался мальчишка в рваном зипуне:

– Царь! Хлебца! Мамка померла...

– Пошел вон, сорванец! – замахнулся кучер, но Петр бросил ребенку кошель.

– Возьми. И... как звать?

– Ванькой...

– Ванька. – Петр усмехнулся. – Тезка Долгорукова.

Вечером в покоях Остермана, где на полках стояли фолианты Вобана и труды Лейбница, канцлер тыкал пальцем в карту Балтики:

– Ваше величество! Шведы уже в Ревеле корабли чинят. Артиллерия наша – ржавые пушки времен Нарвы!

– Ну и что? – Петр щелкал орехи серебряным молотком.

– Позвольте вызвать из Голландии инженеров...

– Довольно! – Петр вскочил, опрокинув стул. – Дед ваш Лейбниц – скучища! Лучше скажи, где взять кречетов для соколиной охоты?

Когда хлопнула дверь, Остерман достал из стола миниатюру – портрет Петра I в латах Полтавской битвы.

– Прости, государь, – прошептал он, – не уберег...

А в полночь, когда Долгоруковы устроили в банях «венчание» Петра с цыганкой Марусей (шутили, будто это репетиция свадьбы), по Москве-реке плыл плот с горящим чучелом – старый обряд изгнания чумы. Пламя отражалось в окнах дворца, где на столе забыли письмо от Евдокии:

«...А ежели душа твоя не вразумляется скорбями, вспомни, как дед твой на Азовской стене, раненый, знамя держал. Неужели ты – его кровь?»

Но Петр не читал. Он смеялся, обливаясь шампанским, пока цыганки пели про «Ясного сокола» – ту самую песню, что распевали стрельцы перед казнью в 1698 году...

Глава II

В сияющих палатах Кремлевского дворца, где некогда гремели торжества и раздавались звуки труб, ныне царили иные забавы. Петр II, увлеченный охотой и празднествами, предал забвению государственные дела, поручив управление страной князьям Долгоруким.

Дворянское общество разделилось: одни, следуя за молодым монархом, предавались увеселениям, другие же, умудренные опытом, втайне печалились о судьбе державы. В пышных залах вельможи блистали нарядами, украшенными золотым шитьем и драгоценными камнями, дамы щеголяли в платьях французского покроя, а кавалеры щеголяли в камзолах с кружевными жабо.

Быт простого народа тем временем приходил в упадок. Крестьяне, измученные поборами и непосильными повинностями, все чаще поднимали головы в надежде на лучшее будущее. В деревнях и городах зрело недовольство, переходящее в открытые волнения.

Александр Меншиков, некогда всесильный фаворит Петра Великого, ныне находился в опале. Изгнанный из столицы, он жил в своем имении, где проводил дни в размышлениях о былом величии и утраченной власти. Его дочь Мария, некогда просватанная за юного императора, теперь горько оплакивала разрушенные надежды.

За рубежом внимательно следили за ослаблением российского государства. На Западе европейские монархи строили планы по разделу сфер влияния, а на Востоке набирал силу новый правитель Османской империи, мечтавший о расширении границ своего государства.

Церковные иерархи и верные служители престола пытались вразумить молодого государя. Старец Феофан, умудренный годами, не раз напоминал царю о его высоком предназначении, но слова его тонули в шуме охотничьих труб и веселий.

Воинские части испытывали недостаток в припасах и снаряжении. Офицеры, некогда славившиеся своим мастерством, теперь проводили время в кутежах, позабыв о воинском долге. Крепости приходили в упадок, а пограничные заставы оставались без должного подкрепления.

Женщины той поры играли особую роль в дворцовых интригах. Княгиня Долгорукая, обладая немалым влиянием на императора, искусно направляла его решения в пользу своей семьи. Придворные дамы, соперничая за внимание монарха, плели сложные заговоры и интриги.

В народе ходили тревожные слухи о грядущих переменах. Крестьяне, видя упадок власти, все чаще поднимали восстания, требуя справедливости и облегчения своей участи. В городах собирались тайные кружки, где обсуждали судьбу отечества и строили планы на будущее.

Так шла жизнь в России, где пышность и великолепие придворной жизни соседствовали с нищетой и отчаянием простого народа, а государственные интересы приносили в жертву сиюминутным забавам молодого монарха.

Глава II

В сияющих палатах Кремлевского дворца, где некогда гремели торжества и раздавались звуки труб, ныне царили иные забавы. Петр II, увлеченный охотой и празднествами, предал забвению государственные дела, поручив управление страной князьям Долгоруким.

****Дворянское общество**** разделилось: одни, следуя за молодым монархом, предавались увеселениям, другие же, умудренные опытом, втайне печалились о судьбе державы. В пышных залах вельможи блистали нарядами, украшенными золотым шитьем и драгоценными камнями, дамы щеголяли в платьях французского покроя, а кавалеры щеголяли в камзолах с кружевными жабо.

****Быт простого народа**** тем временем приходил в упадок. Крестьяне, измученные поборами и непосильными повинностями, все чаще поднимали головы в надежде на лучшее будущее. В деревнях и городах зрело недовольство, переходящее в открытые волнения.

****Александр Меншиков****, некогда всесильный фаворит Петра Великого, ныне находился в опале. Изгнанный из столицы, он жил в своем имении, где проводил дни в размышлениях о былом величии и утраченной власти. Его дочь Мария, некогда просватанная за юного императора, теперь горько оплакивала разрушенные надежды.

****За рубежом**** внимательно следили за ослаблением российского государства. На Западе европейские монархи строили планы по разделу сфер влияния, а на Востоке набирал силу новый правитель Османской империи, мечтавший о расширении границ своего государства.

****Церковные иерархи**** и верные служители престола пытались вразумить молодого государя. Старец Феофан, умудренный годами, не раз напоминал царю о его высоком предназначении, но слова его тонули в шуме охотничьих труб и веселий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.